

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь.
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

П. А. Вяземский

Часть первая БАБУШКИН ПАРАДИЗ

Вдали от трона взрос, еще не знаешь ты
Сей чести пагубной, заманчивой мечты.
Ты самовластия не испытал отравы,
И голос не прельщал тебя льстецов лукавый.

*Афалия, трагедия,
взятая из Св. Писания, г. Расина.*

Пер. с фр. иждивением Н. Новикова
и компании. Москва, 1784.

I

Дай Бог, кому детей родить,
тому б их и взрастить!

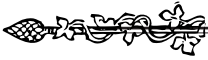
Русская пословица

Глина влажна и мягка: нужно
поспешить и, не теряя мгновения,
обработать ее на гончарном круге.

Персий Флакк, III, 23–24

1777 год открыл самую веселую и счастливую пору екатерининского царствования.

Победоносно закончились польская и турецкая войны, влияние России на европейские дела неуклонно возрастало, Вольтер и Гримм превозносили до небес государственную

мудрость «святой Екатерины Петербургской». Дворянство, стравнув оцепенение, вызванное ужасами пугачевщины, бурно наслаждалось приятностями жизни.

Вот красно-розово вино:
За здоровье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
(Г. Р. Державин)

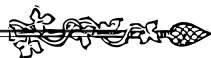
Двор и столица задавали тон. Сменялись фавориты и фавориты фаворитов. Потемкин уступил на время свое место блестящему Завадовскому и вновь вернул расположение императрицы. Вельможи обменивались церемонными поклонами и обескураживающими оплеухами. Камер-пажи и фрейлины, получив свою порцию розог, шли разыгрывать чувствительные пасторали на эрмитажных собраниях. Вист, фараон и макао, словно смерч, уносили деревеньки и мужичков. Оглушительно хлопали пробки и пистолеты. На российском Парнасе, после кончины Сумарокова, гремели действительный статский советник Херасков и кабинетный секретарь государыни Василий Петров, гордившийся званием «карманного ее величества стихотворца». С успехом шла «Дидона» Княжнина. Богданович, написав «Душеньку», пребывал «на розах». Никому не известного Державина выпустили из гвардии в статскую службу, признав *неспособным* к военной. Фонвизин путешествовал по Франции и в письмах к своему другу генералу П. И. Панину клял парижскую нечистоту, «какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно».

Этот год, казалось, подал надежду и на восстановление мира в семье императрицы.

Сильное душевное потрясение, которое испытал великий князь Павел Петрович после смерти первой супруги¹, вновь сблизило его с матерью². Екатерина поспешила прописать сыну лучшее средство от меланхолии — женитьбу.

¹ Натальи Алексеевны (гессен-дармштадской принцессы Вильгельмины), скончавшейся 15 апреля 1776 года при неблагоприятных родах.

² Охлаждение отношений между Екатериной и Павлом началось с 1772 года, когда императрица намеренно не отпраздновала совершеннолетия сына и фактически вторично (после убийства Петра III) узурпировала престол.

«Я начала с того, — рассказывает она в своих “Записках”, — что предложила путешествия, перемену мест, а потом сказала: мертвых не воскресить, надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак, станем искать эту другую...»

— Кто она, какова она? — стал расспрашивать заинтересованный Павел. — Брюнетка, блондинка, маленькая, большая?

— Кроткая, хорошенькая, прелестная, — отвечала императрица, — она именно такая, какую можно было желать: стройна, как нимфа, цвет лица — смесь лилии и розы, прелестнейшая кожа в свете, высокий рост, с соразмерной полнотой, и легкость поступи, одним словом, сокровище: сокровище приносит с собою радость...

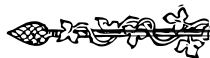
Сокровищем, о котором говорила Екатерина, была вюртембергская принцесса София-Доротея. Павел отправился на встречу с ней в Берлин. Поездка не разочаровала его. Вскоре императрица получила от него письмо:

«Я нашел невесту свою такую, какову только желать мысленно себе мог: недурна собою, велика, стройна, не застенчива, отвечает умно и расторопно, и уже известен я, что если она сделала действие в сердце моем, то не без чувства и она с своей стороны осталась... Вы желали мне жену, которая бы доставила нам и утвердила домашнее спокойствие и жить благополучно. Мой выбор сделан...»

14 августа 1776 года Павел вернулся в Царское Село, а спустя две недели туда же приехала и София-Доротея, которая, приняв православие, получила имя Марии Федоровны. 26 сентября состоялось ее бракосочетание с великим князем, и в марте следующего года она почувствовала себя беременной.

Императрица не скрывала своей радости и с нетерпением ожидала декабря — времени, когда она должна была стать бабушкой. Она говорила только о воспитании детей, и ее педагогические познания настолько изумили шведского короля Густава III, побывавшего летом в Петербурге, что он пожелал, по возвращении в Стокгольм, непременно получить ее письменные наставления по этому предмету.

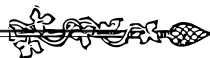
Екатерину весьма занимал вопрос о поле ребенка, которого носила невестка. Она вообще предпочитала мальчиков

девочкам, но на этот раз ее интерес был гораздо серьезней, чем простое любопытство. Мало кто догадывался об истинных намерениях императрицы, и меньше всех — счастливая великокняжеская чета. Екатерина уже вынашивала мысль о *наследнике*, настоящем наследнике своего дела. Павел, не скрывавший своего недовольства существующим порядком правления, раздражал честолюбивую императрицу, считавшую себя продолгательницей петровских преобразований. Рождение внука, которого она могла бы выгнать, вылепить по своему образу и подобию, с тем чтобы впоследствии передать ему трон, минуя сына, казалось ей подходящим выходом из сложившегося положения. Отсутствие в то время ясного закона о престолонаследии, который обеспечивал бы твердый порядок передачи власти, облегчал ей исполнение задуманного.

Лишь одно событие в этом году нарушило спокойное течение петербургской жизни. 10 сентября в десять часов утра Нева ринулась на столицу. Весь Петербург, кроме Литейной и Выборгской сторон, скрылся под водой, поднявшейся почти на четыре метра. По улицам плавали на шлюпках, и обер-полицмейстер Н. И. Чичерин пришпль в ялик от своего дома у Полицейского моста прямо в Зимний дворец. Небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную; другое судно было отнесено ветром от берега в лес. В Коломне и Мещанской волнами и ветром разнесло больше ста домов, одна изба переплыла на противоположный берег Невы. Пострадали знаменитые сады и рощи Петербурга. В «Академических Ведомостях» после наводнения было напечатано объявление о продаже с одной дачи на Петергофской дороге двух тысяч мачтовых сосен, вырванных с корнем бурей. Число человеческих жертв не поддавалось учету. На взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек. К вечеру, когда вода схлынула, кругом города на одиннадцать верст находили в полях трупы людей и животных.

Екатерине утром этого дня доложили, что вода стоит у крыльца Зимнего дворца. Она приказала выбить стекло в одном из окон Эрмитажа и оттуда наблюдала за бедствием и действиями городских властей по спасению жизни и имущества обывателей. Затем она велела священнику служить молебен, и сама молилась на коленях. После обедни государыня

села за начатое утром письмо Гримму и, подробно описав наводнение, приписала: «Обедаю дома. Вода сбывла и, как вам известно, я не потонула. Но еще немногие показываются из своих берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал на английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается».

* * *

В заботах о восстановлении разрушенной столицы прошла вся осень. Наконец, радость вновь вернулась в Зимний. 12 декабря, за час с небольшим до полудня, великая княгиня Мария Федоровна разрешилась от бремени сыном.

Мальчик сразу очутился под попечением деятельной бабушки, которая продумала каждую мелочь в уходе за ним.

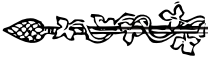
«Только что он появился на свет, — писала Екатерина чуть позже Густаву III, — я взяла его на руки и, когда он был выкупан, перенесла его в другую комнату, где положила его на большую подушку; его завернули в ночное покрывало, и я позволила не иначе запеленать его, как по способу, который можно видеть на прилагаемой кукле¹. Потом его положили в корзину, где теперь лежит кукла, чтобы приставленным к нему женщинам не вздумалось качать его; эту корзину поставили на диване за ширмами».

Сейчас же о сем радостном событии жителям столицы было возвещено 201 пушечным выстрелом с Петропавловской крепости и Адмиралтейства, а в придворной большой церкви отправлен с коленопреклонением благодарственный молебен. В шесть часов вечера придворные принесли императрице поздравления.

На следующий день состоялся большой выход в Зимнем дворце, во время которого счастливую бабушку поздравляли члены Синода и иностранные послы. Вечером того же дня в своих покоях поздравления принимал Павел Петрович.

---

¹ Екатерина, верная данному летом шведскому королю обещанию, прислала при этом письме куклу, на которой продемонстрировала особый способ пеленать детей, и корзину, куда был положен новорожденный Александр.

Екатерина сияла. 14 декабря она написала веселое письмо Гримму, своему *souffre-douleur*¹, с которым привыкла делиться своими впечатлениями.

«Я бьюсь об заклад, что вы вовсе не знаете того господина Александра, о котором я буду вам говорить. Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр, который родился 12-го этого месяца в десять и три четверти часа утра. Все это, конечно, значит, что у великой княгини только что родился сын, который в честь святого Александра Невского получил торжественное имя Александра и которого я зову господином Александром... Но, Боже мой, что выйдет из этого мальчугана? Я утешаю себя тем, что имя оказывает влияние на того, кто его носит; а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры... Жаль, что волшебницы вышли из моды; они одаряли ребенка, чем хотели; я бы поднесла им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а уж опытность доделает все остальное».

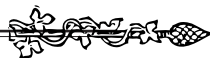
Так, с самого рождения судьба определила Александру самую неблагоприятную роль — роль человека, на которого другие возлагают свои надежды. Ему не суждено было их оправдать.

20 декабря состоялось крещение великого князя. В большую церковь Зимнего дворца новорожденного на глазетовой подушке внесла герцогиня Курляндская (урожденная княжна Евдокия Борисовна Юсупова). Крестной матерью Александра была сама императрица, а заочными восприемниками — император Священной Римской империи Иосиф II и прусский король Фридрих II Великий. Таким образом будущий творец Священного союза уже с самой колыбели оказался связан духовными узами с монархами Австрии и Пруссии.

Торжества по случаю рождения Александра продолжались всю зиму. В феврале 1778 года Екатерина писала Гримму: «До поста осталось каких-нибудь две недели, и между тем у нас будет одиннадцать маскарадов, не считая обедов и ужинов, на которые я приглашена. Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию». А виновник веселья был совершенно спокоен: спал, просыпаясь, брал грудь, и снова засыпал.

---

¹ Козлу отпущения (фр.). Так Екатерина II часто называла Гримма в своих письмах к нему, как бы извиняясь за свою многоречивость.

Екатерина II – Гримму, из Зимнего дворца, в марте:

«Что касается господина Александра, то о нем и речи нет; как будто бы его не было. Ни малейшего беспокойства с тех пор, как он явился на свет... Это принц, который здоров, вот и все... Боюсь за него только в одном отношении, но об этом когда-нибудь скажу вам на словах: домекайте».

Гримму, посвященному в личные дела императрицы, было легко догадаться о чем идет речь. Екатерина опасалась тех, кого она именовала «m-r et m-me de Secondat»¹ или «die schwere Bagage»², а проще говоря, родителей Александра, великого князя Павла Петровича и великую княгиню Марию Федоровну, которые могли затруднить ей выполнение плана по воспитанию *своего наследника*, «будущего венценосца», как она откровенничала в своей заграничной корреспонденции.

Чтобы устранить это препятствие, она признала Павла Петровича и Марию Федоровну неспособными дать воспитание сыну и взяла все родительские заботы на себя. Александр был изъят из родительских покоев и помещен в одной из комнат на половине императрицы.

Екатерина приступила к делу воспитания внука во всеоружии просветительной философии и передовых педагогических теорий того времени. Руссо и Локк были заново протудированы ею, чтобы получить из их идей квинтэссенцию педагогической мудрости. Разум и природа были призваны в главные воспитатели Александра с целью воспитать его в принципах естественной добродетели.

Можно без преувеличения сказать, что она впервые переживала материнское счастье. Некогда Елизавета I так же грубо и властно лишила его ее, тогда еще молодую великую княгиню, забрав к себе новорожденного Павла, как теперь она отнимала Александра у его родителей. Екатерина всю жизнь не могла без ужаса вспомнить русское царское воспитание, обрушившееся жаркой лавиной любви на ее сына. Физическую хилость Павла Петровича она приписывала расслабляющему воздействию нежного, тепличного ухода за ним нянек под руководством Елизаветы I. Позже Екатерина говорила, что ее свекровь буквально душила Павла своими ухаживаниями. «Он помещен был, – вспоминала

¹Господина и госпожу Вторых (фр.).

²Тяжелая поклажа (нем.).

она, — в чрезвычайно жаркую комнату, спеленутый фланелью, в колыхели, обитой лисьим чернобурым мехом, покрывали его стеганым на вате атласным одеялом, сверх которого еще настилали розового цвета бархатное одеяло, подбитое лисьим мехом... Пот тек у него с лица и по всему телу, вследствие чего, когда он вырос, то простужался и заболел от малейшего ветра». Последствия Елизаветиных забот она пыталась исправить, пригласив в воспитатели Павлу Даламбера¹, но осторожный философ отказался ехать в страну медведей и царей, за что Екатерина потом долго и сильно пеняла ему в письмах.

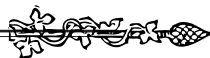
Наученная горьким опытом, Екатерина основное внимание сосредоточила на укреплении здоровья внука и приучении его с малолетства к перенесению всяческих физических невзгод, как того требовали Локк и Руссо. Сразу после крестин Александра поместили в большой прохладной комнате, где температура не превышала 15 градусов; помещение ежедневно проветривали. Ребенок лежал на кожаном матрасе в железной кровати на ножках, во избежание поползновенный нянек покачать его. Взрослые не должны были понижать голоса, находясь в комнате, которая к тому же была обращена окнами к Адмиралтейству, чтобы заранее приучить ухо младенца к пушечным выстрелам. Императрица заставляла Александра спать не в определенные часы, а по обстоятельствам, брать грудь не только постоянной кормилицы², но и других женщин. Купали его ежедневно — сначала в тепловатой, потом и в холодной воде; летом, в жару, — так по два-три раза. Александру так полюбили купания, что он не мог равнодушно смотреть на воду: сразу просился в нее. Весной его стали выносить на воздух, без чепчика, сажали на траву, укладывали спать в тени на подушке. Строго-настроено было запрещено пеленать ребенка и надевать на него чулки; одежду Александра составляли рубашечка и жилетка, не стеснявшие движений.

«Он не знает простуды, он полон, велик, здоров и очень весел, не имеет еще ни одного зуба и не кричит почти ни-

¹ Даламбер Жан Лерон (1717–1783), французский философ-просветитель, один из редакторов «Энциклопедии».

² Кормилицу Александра звали Авдотья Петрова. В благодарность за ее услуги Екатерина выдала ей тысячу рублей на приданое дочери.

когда», — с удовлетворением делилась императрица результатами воспитания Александра со своим *souffre-douleur* ом.

В начале 1779 года она подробнее изложила Гримму свою систему воспитания:

«Я намерена держаться неизменно одного плана и вести это дело по возможности проще; теперь ухаживают за его телом, не стесняя этого тела ни швами, ни теплом, ни холодом и отстраняя всякое принуждение. Он делает, что хочет, но у него отнимают куклу, если он с ней дурно обращается. Зато так как он всегда весел, то исполняет все, что от него требуют; он вполне здоров, силен, и крепок и гол; он начинает ходить и говорить. После семи лет мы пойдем дальше, но я буду очень заботиться, чтобы из него не сделали хорошенькой куклы, потому что не люблю их».

Что касается няnek, то в первые годы воспитание Александра было вверено Софье Ивановне Бенкендорф (вдове ревельского коменданта генерала Ивана Ивановича Бенкендорфа) и Прасковье Ивановне Гесслер, родом англичанке. Обе эти женщины проявили себя как нельзя лучше, особенно г-жа Гесслер, привившая своему воспитаннику любовь к порядку, простоте и опрятности в быту. Александр навсегда сохранил благоговейное чувство к ней, а Екатерина, признавая ее заслуги, говорила, что если она воспитает и сына Александра, то «наследие престола российского утверждено на сто лет».

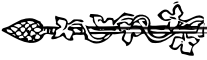
Между тем в великокняжеской семье ожидалось прибавление. Императрица смотрела на этот факт педагогически — с точки зрения пользы для любимого внука: «Мне все равно, будут ли у Александра сестры, но ему нужен младший брат».

Она снова угадала. 27 апреля 1779 года Мария Федоровна родила мальчика.

Екатерина II – Гримму, из Зимнего дворца:

«Этот чудак заставил ожидать его с половины марта и, двинувшись наконец в путь, упал на нас, как град, в полтора часа... Но этот послабее старшего брата, и чуть коснется его холодный воздух, он прячет нос в пеленки, он ищет тепла...»

В то время Екатерина уже задумала свой греческий проект (завоевание Константинополя и раздел Турецкой империи), в ознаменование чего новорожденный получил имя Константин. Памятная медаль, выбитая в честь его рождения,

недвусмысленно давала понять, какие надежды возлагала императрица на младшего брата Александра: государыня изображена на ней в лавровом венке; рядом с ней фигуры Веры, Надежды и Любви — последняя с младенцем на руках. Вдали — собор св. Софии и дата рождения Константина. Объясняя аллегория, Екатерина говорила: «Константин мальчик хорош; он через тридцать лет из Севастополя поедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем¹, а тогда уже будут сломаны и для него лучше». Она думала поделить Турецкую империю с Англией, Францией и Испанией, «а остатка довольно для великого князя Константина Павловича, pour un cadet la maison²».

Впрочем первое время она была разочарована: «Это слабое существо: криклив, угрюм, никуда не смотрит, избегает света. Я за него не дам десяти копеек; я сильно ошибусь, если он останется жив». К счастью, императрица ошиблась, Константин, в отличие от греческого проекта, не только остался жив, но вскоре резвостью и толщиной превзошел старшего брата. Когда они оба чуть подросли и смогли играть друг с другом, Константин, по желанию императрицы, перекочевал в комнату брата и стал с ним неразлучен. Но Александр все равно остался для Екатерины любимцем³.

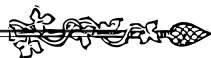
* * *

Императрица считала, что «господин Александр» — чрезвычайно понятливый для своего возраста ребенок. Действительно, он рано уловил характер взаимоотношений между отцом и бабкой и инстинктивно принял сторону сильнейшего. Проводя в кабинете Екатерины по три-четыре часа ежедневно, мальчик был весел и послушен, даже когда у него

¹ Имеются в виду рога исламского полумесяца, «сломанные» в результате двух русско-турецких войн.

² Для маленького хозяйства (фр.).

³ От этого брака, кроме Александра и Константина, родились император Николай I, великий князь Михаил и великие княжны: Александра, которая затем вышла замуж за эрцгерцога наместника Венгрии, Елена, впоследствии герцогиня Мекленбург-Шверинская, Мария, впоследствии великая герцогиня Саксен-Веймарская, Екатерина, впоследствии королева Вюртембергская, и Анна, в руке которой было отказано Наполеону и которая стала королевой Нидерландов.

резались зубки, но в присутствии родителей закусывал удила и становился так своенравен, что Павел Петрович и Мария Федоровна поневоле обращались к помощи бабушки, к вящему удовольствию последней. «Все кричат, что бабушка делает чудеса, — с гордостью писала она Гримму, — все требуют, чтобы мы продолжали вместе играть»; «этот ребенок всех приводит в восторг, особенно меня. Я все могу из него сделать...»

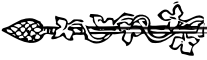
И она продолжала настойчиво проводить в жизнь свой план воспитания, невзирая на то, что это вызывало нарастающую раздражительность в Павле. Она как могла старалась привязать Александра к себе: мастерила с ним разные игрушки, принимала участие в его забавах или просто оставляла его рядом с собой во время занятий государственными делами, предоставляя ему заниматься, чем вздумается.

В феврале 1779 года императрица уехала в Могилев на встречу с Иосифом II. Там, скучая по внуку, она принялась составлять для него небольшую «азбуку изречений».

Екатерина II – Гримму, 14 мая:

«Все видевшие ее отзываются о ней очень хорошо и прибавляют, что это полезно не для одних детей, но и для взрослых. Сначала ему говорится без обиняков, что он, малютка, родился на свет голый, как ладонь, что все так рождаются, что по рождению все люди равны, и только познания производят между ними бесконечное различие, и потом, нанизывая одно изречение за другим, как бисер, мы переходим от предмета к предмету. У меня только две цели в виду: одна — раскрыть ум для внешних впечатлений, другая — возвысить душу, образуя сердце».

Так появилась на свет «Бабушкина азбука». Она состояла из нескольких сотен изречений, затрагивающих разные стороны жизни, но в основном нравоучительных, вроде следующих: «Всякое дитя рождается неученым. Долг родителей дать детям учение. Дитя родителям оказывает благодеяние покорностью и почтением. Кто не обучился в юности, того старость бывает скучна. Праздность есть мать скуки и многих пороков. Честность есть неоцененное сокровище. Законы можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось. Платон Афинейский советовал рассерженному человеку смотреться в зеркало. Римский император Тит плакал, в который день

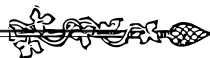
не учинил какого ни на есть добра. Спросили у Солона: как Афины могут добро управляемы быти? Солон отвечивал: не инако, как тогда, когда начальствующие законы исполняют». К изречениям были добавлены «Выборные российские пословицы»: «Всеу законы писать, когда их не исполнять»; «красна пава перьем, а человек ученьем»; «милость хранитель государства» и т. п.

«Бабушкина азбука» стала настольной книгой не только Александра, но и множества других русских детей. В 1781 году она была издана в Петербурге: тираж в 20 тысяч экземпляров разошелся за две недели!

Результаты бабушкиного воспитания сказались очень скоро. С малолетства введенный в круг основных жизненных понятий, Александр рано начал думать о смысле жизни вообще и своей в частности. Его детский ум тревожили недетские вопросы. Уже в три с половиной года он настойчиво требовал ответить ему, «отчего люди на свете и зачем он сам явился на свет». Сердце его начало формироваться так же рано, как и ум. Он был начисто лишен свойственной детям неосознанной жестокости. «У него слезы на глазах, — умилялась императрица, — когда он думает или видит, что у него ближний в беде».

Между тем, Павел, видя, что бабушкина педагогика все больше отдаляет от него сыновей, стал выказывать ей свое неудовольствие. Семейная ссора на этот раз была улажена тем, что императрица отправила великокняжескую чету в путешествие за границу. 14 сентября 1781 года Павел Петрович и Мария Федоровна выехали из Царского Села. Под именем графа и графини Северных они посетили Австрию и Италию и на месяц остановились в Париже, где были на приемах у Людовика XVI и Марии-Антуанетты, встречались с Даламбером и Мармонтелем и просили Бомарше прочесть для них «Женитьбу Фигаро», о которой говорила вся Европа. Путешествие укрепило в Павле дух рыцарственного монархизма и усилило отвращение к идеям Просвещения, которые он и ранее недолго любил.

Благодаря этой поездке Александр на целых два года оказался оторгнут от родителей и именно в таком возрасте, когда в нем формировались задатки характера и личности. Его развитие шло очень быстро. Юный великий князь проявлял редкую любознательность и неподдельный интерес

к жизни дворцовой прислуги. Он бродил по людской, кухне, подсобным помещениям и просил научить его готовить, красить, обивать стены обоями, рубить дрова, столярничать, ухаживать за лошадьми. Едва выучившись читать, поглощал книги запоем. Вскочив поутру с постели, он говорил своим няням:

— Я теперь хочу тотчас почитать, а то после мне больше захочется гулять, чем читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадет.

На столе у него стоял подаренный Екатериной глобус и, встретив в книге название города или страны, он сразу искал его на нем.

Екатерина II – Гримму, 11 ноября 1782 года, из Зимнего дворца:

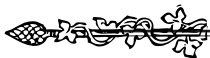
«На днях он узнал про Александра Великого; он попросил лично с ним познакомиться, и совсем огорчился, узнав, что его уже нет в живых. Он очень о нем сожалеет».

Ему же, 17 ноября:

«Слушайте, не думайте воображать, что я хочу сделать из Александра разрубателя Гордиевых узлов. Ничего подобного... Александр будет превосходным человеком, а вовсе не завоевателем: ему нет надобности быть им».

Пользуясь страстью Александра к чтению, императрица продолжила пополнение его детской библиотеки книжками собственного сочинения. В 1783 году она написала для обоих внуков сказки о царевичах Хлоре и Февее — аллегорическое изложение своей педагогической системы.

Царевич Хлор красив, умен, не по летам добр, благонаравен, смел, весел нравом, учтив и благопристоен (портрет, быть может, чересчур отвлеченно-идеальный, но Александр мальчишечки понятливый). Один киргизский хан похищает его в свое кочевье и, убедившись в его великом разуме, заставляет искать розу без шипов (сиречь добродетель, доставляющую человеку полное, ничем не отравляемое наслаждение). Жена хана, Фелица, очарованная Хлором, дает ему в спутники своего сына — Рассудок. Из множества дорог, ведущих к цели, они выбирают прямую, хотя и самую трудную, и достигают горы, к вершине которой ведет крутая и каменистая тропинка. Честность и Правда помогают путникам преодолеть все трудности на пути, и на вершине Хлор находит розу без шипов.

Февея-Красное Солнышко в детстве не пеленали, не качали, не кутали; игрушки сообщили ему познания обо всем окружающем; в болезнях он был терпелив, летом и зимой много гулял, ездил верхом. Царевич вырос добрым, жалостливым, щедрым, учтивым и приветливым, говорил только правду. В отрочестве он жил в полном послушании у своих родителей, потом женился, вступил на трон и мудрым правлением заслужил славу и любовь народа.

Шестилетний Александр, как губка, впитывал в себя наставления, содержащиеся в бабушкиных сказках. Он уже мыслил самостоятельно и умел делать выводы из услышанного, недаром Екатерина однажды обмолвилась, что он «сам себя воспитывает». Не зная, что такое принуждение, он тем не менее умел подчиняться и делал это не только по долгу, но и с охотой. Императрица рассказывала Гримму, что раз, у Константина был насморк и ему запретили подходить к окну, от которого очень дуло, а чтобы он не забыл, на полу перед окном провели мелом черту. Но, несмотря на запрещение, малютка беспрестанно забегал за эту границу. Тогда Александр подошел к нему и сказал:

— Брат, когда мне говорят не ходить далее как до сих пор, то я, чтобы не забыть этого, в уме провожу себе черту позади той, которая мне назначена, и коль скоро, по забывчивости, я переступаю за ту, которую сам себе назначил, то вспоминаю, что не надо переходить следующую.

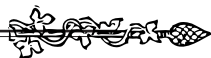
II

Будь на троне человек.

*Г. Р. Державин
«На рождение на Севере
порфиородного отрока»*

В сентябре 1783 года умерла Софья Ивановна Бенкендорф. Императрица решила не подыскивать новую няню, а перейти к следующему этапу воспитания великих князей: «Время пришло, чтобы от них отнять женский присмотр».

Она сама подобрала штат наставников. Законоучителем и духовником Александра и Константина был назначен протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский. Это был выпускник Киевской духовной академии, получивший помимо того

сельскохозяйственное образование за границей. Вскоре после своего вступления на престол Екатерина возымела намерение привлечь православное духовенство к задуманной ей цивилизаторской работе. С этой целью она велела отправить лучших учеников Киевской духовной академии в Англию, чтобы они, изучив рациональное земледелие, распространили его затем на родине. Самборский провёл в Англии четырнадцать лет, женился там на Елизавете Петровне Фильдинг, принявшей православие, и по принятии священного сана был назначен настоятелем русской посольской церкви в Лондоне. Императрица высоко ценила образованность и изящные светские манеры о. Андрея и в 1782 году поручила ему сопровождать Павла Петровича и Марию Федоровну в их путешествии в качестве духовника. По возвращении в Россию, Самборский многих шокировал своим европеизмом: он брил бороду и носил светский костюм. Но государыня из внимания к долгому пребыванию протоиерея за границей простила ему это извинительное в ее глазах отступление от православных канонов.

Самборский отнесся к своим новым обязанностям чрезвычайно серьезно: говорил жене, что готовится к своему педагогическому поприщу, как к духовному подвигу — ведь его деятельность отразится на всем человечестве! Тем не менее, будучи сам лишен духа православия, он не сумел привить его и своему воспитаннику (Александр позднее вспоминал: «Я был, как и все мои современники, не набожен».) Христианство он понимал в духе просвещенных прелатов того времени — как либеральный гуманизм, и только; учил великих князей «находить во всяком человеческом состоянии своего ближнего. Тогда никого не обидите, и тогда исполнится закон Божий». Его наставления имели оттенок довольно плоского морализаторства и совершенно не затрагивали глубинных потребностей духа.

Генерал-майор Александр Яковлевич Протасов состоял при великом князе Александре в звании придворного кавалера, то есть воспитателя. Он осуществлял постоянный надзор за поведением воспитанника и жил в соседней со спальней Александра комнате. Екатерина благоволила к Протасову с 1783 года, когда он обратил на себя ее внимание бескровным усмирением бунта крестьян в Новгородской губернии

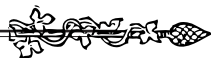
(он занимал должность губернатора). Александр Яковлевич был верным сыном православной церкви и хранителем дворянских преданий и русских традиций; к западным модным влияниям он относился скептически. Будучи человеком строгих правил, порядочным, но недалеким, он имел значительное влияние на Александра до тех пор, пока тот не вышел из отроческого возраста.

Учить великих князей русской словесности, истории и нравственной философии был приглашен Михаил Никитич Муравьев, весьма образованный человек и известный писатель либерально-политического и сентиментально-дидактического направления. Он был одним из немногих учителей, кто старался превратить учение в целенаправленный труд. По его требованию великие князья конспектировали прочитанное, Александр, кроме того, вел журнал занятий: судя по этим записям, его первым упражнением в русском языке был отрывок из сочинения самого Муравьева «Обитатель предместия»; затем идет статья «О славянах и начале Руси», потом «Письмо Плиния к Тациту». В конце тетради заметен некоторый успех семилетнего ученика в правописании и слоге.

Естественнонаучный цикл преподавали выдающиеся ученые того времени: Паллас — «натуральную историю», Крафт — экспериментальную физику; изучением математики руководил полковник Массон.

Наконец, общий надзор за поведением и здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову. Это был типичный царедворец екатерининского времени, угодливая посредственность и добряк, который твердо знал одно: как жить при дворе, — делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь. Саксонский посланник при петербургском дворе признавал его самым неподходящим воспитателем царственных детей в Европе. Его выбор для такой ответственной роли объясняется тем, что Салтыков, будучи гофмаршалом двора Павла Петровича и Марии Федоровны, сумел взять на себя роль посредника между Екатериной и сыном, деликатно сглаживая острые углы в их отношениях. Впрочем, его настоящей партитурой в этом педагогическом оркестре, по выражению Массона, было предохранять великих князей от сквозняка и засорения желудка.

Екатерина II – Гримму, зима 1784 года:

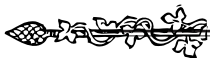
«Господа Александр и Константин между тем перешли в мужские руки, и в их воспитании установлены неизменные правила; но они все-таки приходят прыгать вокруг меня: мы сохраняем прежний тон».

Правилами, о которых говорила императрица, были наставления о воспитании великих князей, написанные ею для Салтыкова и врученные ему 13 марта 1784 года при особом рескрипте. Этот новый педагогический документ состоял из семи разделов: 1) здоровье и его сохранение; 2) подкрепление умонаклонения к добру; 3) добродетель и то, что от детей требуется; 4) учтивость; 5) поведение; 6) знание, 7) обхождение наставников с воспитанниками. (Обучение музыке и «виршам» не входило в этот курс. «Музыке и виршам учить не для чего, — написано в наставлении, — тем и другим много времени теряется, дабы достигнуть искусства.)

Как видно из этого перечня, роль собственно научного знания в воспитании Александра была невелика, оно рассматривалось Екатериной в духе того времени лишь как средство для познания природных способностей учащихся, приучения их к труду и отвращения от праздности. На первое место выдвигалось знание людей и жизни, благоволение к роду человеческому, снисхождение к ближним, познание вещей, каковы они должны быть и каковы они есть на самом деле. Стародум в «Недоросле» говорит об этом так: цель всех знаний человеческих — благонравие, просвещение возвышает одну добродетельную душу; наука же в развращенном сердце есть лютное оружие делать зло.

Особо предписывалось уделять по несколько часов в день на «спознание России во всех ее частях». Для этого использовались карты российских губерний с описанием земли, растений, животных, торговли и промыслов, населяющих их народов, их одежды, нравов, обычаев, веры, законов и языка; к картам прилагались рисунки природных и архитектурных достопримечательностей, схемы дорог и т. д.

«Историю русскую им знать нужно, и для них сочиняется», — говорилось в наставлении. Этим Екатерина занялась сама, написав на досуге «Записки касательно Российской истории» (популярных исторических книг тогда еще не было). Из-под ее пера вышел вполне добросовестное сочинение. Императрица ко всякому делу подходила серьезно.

Она изучила летописи, составила их свод, старалась отыскать в исторических событиях нравственный смысл, в котором тогдашние западноевропейские историки и философы отказывали России¹, внушить внукам любовь к родной истории. Даже темным явлениям русской жизни она умела придать какой-то светлый, отрадный колорит — свойство порочное в историке, но полезное и, более того, необходимое в педагоге.

В целом получился весьма замечательный документ, Екатерина по праву гордилась им: «Я написала прекрасное наставление для господ Александра и Константина». В ее кабинете всегда лежало несколько экземпляров этого сочинения, которые государыня охотно дарила своим приближенным и иностранным послам.

Итак, учителя и программа обучения были налицо. Не хватало главного — Учителя.

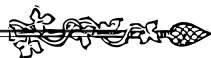
* * *

6 апреля 1754 года в швейцарском городе Ролле (Ваадтский кантон) в семье местных дворян Деларпазов (De l'Arpaz) родился мальчик. Г-н Деларпаз, старый служака, дал ему два имени — Фредерик-Сезар, в честь двух своих любимых

---

¹ Вот как, например, Руссо оценивал в «Общественном договоре» деятельность Петра Великого: «Русские никогда не будут слишком цивилизованы, потому что они были цивилизованы слишком рано. У Петра был гений подражательный, он не имел истинного гения, который творит и создает все из ничего. Кое-что из того, что он сделал, было хорошо, но большинство его деяний было неуместно. Он видел, что его народ был варварским, но не видел, что народ еще не созрел для цивилизации и захотел цивилизовать его, тогда как следовало только воспитать его для войн».

Вольтер, написавший историю Петра, отвечал на этот выпад Руссо: «За те 85 лет, в течение которых воззрения Петра продолжали развиваться, русские совершили больше культурных успехов, чем мы смогли сделать это за четыре столетия; разве это не свидетельствует о том, что эти воззрения не были воззрениями рядового человека?» И далее, по поводу цивилизованности русских: «Тем не менее, эти же самые русские сделались победителями турок и татар, завоевателями и законодателями Крыма и двадцати различных народов; их государыня дала законы народам, даже имена которых не известны в Европе... В общем, я бы хотел, чтобы те, кто судят о нациях с высоты своего чердака, были бы более честными и более осмотрительными».

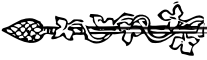

героев — прусского короля Фридриха II и Юлия Цезаря. Фамилию мальчик выбрал себе сам, когда вырос: он называл себя на французский манер Деларп, Делагарп или Лагарп (De l'Harpe, De la Harpe, Laharpe), — возможно, из желания быть созвучным фамилии известного писателя и критика того времени Лагарпа; частица «де» тщательно отбрасывалась им в период революции и была снова присоединена к фамилии после окончания террора. В России его называли Петром Ивановичем Делагарпом, когда он был в милости, и просто Лагарпом, когда он подвергся опале и лишился орденов.

Фредерик-Сезар с детства пристрастился к чтению. Он рос восторженным почитателем античности. Его любимыми авторами были Полибий, Плутарх и Тацит. (В шестьдесят лет он возьмется за изучение древнегреческого языка, чтобы читать их в оригинале.) Гальденштейнская семинария, куда он поступил четырнадцать лет, укрепила в нем любовь к древности. Слава этого привилегированного учебного заведения гремела по всей Швейцарии. Его преподаватели стремились сочетать истины откровения и законы разума. Внутренняя организация семинарии была слепком римской республики: здесь были свой форум, сенат, свои квесторы, трибуны, консулы; воспитанники составляли *народ*, который объединялся в *республику* и *избирал* должностных лиц.

Немудрено, что Лагарп покинул семинарию убежденным республиканцем и крайним радикалом. «Невозможно и определить, — писал французский историк Ленотр, — какая доля ответственности падает на тогдашнее легкомысленное преклонение перед античным миром в создании психики людей революции! Эти господа судили не Людовика XVI, а древнего «тирана». Они подражали диким добродетелям Брута и Катона. Человеческая жизнь не в праве была рассчитывать на милость этих классиков, привыкших к языческим гека-томбам». Доморощенные «сенаторы» Гальденштейнской семинарии воспитали будущего диктатора Гельветической республики.

Лагарп довершил свое образование на философском и юридическом факультетах в Женевском и Тюбингенском университетах. Здесь он усвоил скрупулезную методику работы с источниками, которую затем внедрил в свою педагогическую систему. «Я убедился, — писал он, — что всего полезнее знакомить юношей с самими источниками и отнюдь

не держать их долго на одних пособиях и учебниках. Не имея в руках источников, молодые люди будут ходить ошупью, ум их может измельчать, и тот из них, кто при свете источников достиг бы высшего развития, тот, будучи лишен их спасительного света, может навсегда остаться посредственностью, жалким отголоском чужого образа мыслей и воззрений».

Получив в двадцать лет степень доктора прав, Лагарп устроился адвокатом при высшей апелляционной камере в Лозанне. В городе существовало литературное общество, проповедовавшее идеи энциклопедистов; среди его членов были двое русских — князя Михаил и Борис Голицыны. Целью общества было изыскание совместными силами истины в области теоретической и нравственной философии, литературы и изящных искусств. Чтобы вступить в общество, кандидат должен был заполнить следующую анкету:

1. Любите ли вы всех людей без различия их верований, их религии, их образа мыслей, и искренне ли желаете всему человечеству добра и нравственного самоусовершенствования?

2. Признаете ли, что никто не должен подвергаться за свои мысли и верования бесславию, преследованиям и наказаниям?

3. Обещаете ли искренне трудиться над отысканием истины, и любите ли ее ради ее самой? Готовы ли, найдя истину, с радостью воспринять ее и с полным беспристрастием сообщить ее другим? и т. д.

Вступление в подобного рода общества обычно означает, что человек превратился в ходячую либеральную книжку; в случае с Лагарпом можно добавить — чрезвычайно говорливую либеральную книжку.

Фигуры профессиональных диссидентов кажутся рельефными только на фоне косности и тупости власть предержащих. В то время Ваадтский кантон находился под властью двухсот Бернских правителей, о которых лозаннский судья говорил Вольтеру, в последние годы жизни обосновавшемуся в окрестностях города:

— Г-н Вольтер, я слышал, что вы писали против Бога и религии. Это дурно, но я уверен, что Бог вас простит в избытке своего милосердия. Но берегитесь написать что-нибудь против Бернских господ: они не простят вам этого никогда.

Столкновение пламенного идеалиста, горевшего любовью к истине и человечеству, с этими господами было неизбежно.

Вскоре судья апелляционной камеры счел нужным предупредить Лагарпа и все литературное общество:

— Мы не потерпим новаторского духа, и вы должны помнить, что вы — наши подданные.

Лагарп, не дрогнув, отвечал:

— А мы не признаем другой власти, кроме республики и законов.

Все это, конечно, означало, что он более не адвокат апелляционной камеры.

Лагарп подумывал об эмиграции в только что освободившиеся из-под власти Англии Соединенные Штаты Америки, когда судьба направила его шаги прямо в противоположную сторону. Grimm от имени Екатерины II попросил его сопровождать одного молодого русского офицера в поездке в Италию. Этот офицер был брат генерала Александра Дмитриевича Ланского, тогдашнего фаворита императрицы. На Лагарпа возлагалась обязанность излечить молодого человека от губительной любовной страсти к некоей даме. Лагарп справился с этим поручением блестяще — от пагубной страсти не осталось и следа. Ланской в восторге пригласил его в Петербург, чтобы лично выразить свою признательность. В то же время императрица написала Grimm: «Я желаю, чтобы Лагарп сопровождал своего спутника до Петербурга, где, без сомнения, получит приличное назначение».

В начале 1783 года Лагарп был уже в Петербурге. Ланской прочил его в воспитатели великих князей. Однако обещанного назначения ему пришлось ждать довольно долго. Лишь 28 марта 1784 года Екатерина сообщила Grimm, что швейцарец будет состоять при великом князе Александре «с особым приказанием говорить с ним по-французски; другому поручено говорить по-немецки; по-английски он уже говорит»¹. Но еще в мае она писала: «Мы держим г. Лагарпа про запас, а покамест он гуляет».

Фактически Лагарпу предлагали место гувернера — пусть и гувернера всея Руси, но все же только гувернера.

---

¹ Немецкому языку Александра обучал сын пастора лютеранской Екатерининской церкви Грот, который обратил на себя внимание императрицы проповедями в защиту оспопрививания. Как известно, Екатерина была сторонницей прививок и многое сделала для преодоления преубеждения против них, в частности, привила оспу себе и обоим своим внукам.

Английскому языку Александр научился от П. И. Гесслера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru